Обзор

УДК 179.9
doi: https://doi.org//10.19163/2070-1586-2023-16-2-8-12

Биоэтическая деконструкция феномена зла

Кирилл Сергеевич Смирнов ✉, ***Александр Александрович Рухтин***

Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия

Аннотация. В статье анализируется феномен зла в современной социокультурной ситуации с позиции биоэтики, интерпретируемой как деконструкция. Зло как стремление разрушать предстает в виде расчленения целого и крайнего редукционизма. В социальном и антропологическом измерениях такой редукционизм выражается в идее общества как изначального хаоса (войны всех против всех), который обусловлен «злой и порочной природой человека». Однако этот хаос впоследствии самопроизвольно структурируется посредством общественного договора (финансового порядка), выступающего в виде принципа наименьшего зла. В настоящее время это структурирование находится в процессе замены на новый тип порядка: надзорный биокапитализм. Последний представляет собой реальную угрозу не только существованию человека, но и всему биосу. Отсюда возникает задача разработки дискурса, способного заблокировать данную разрушительную тенденцию. Этим дискурсом оказывается консервативная биоэтика как радикальная этика спасения, на основе которой может быть сформирован глобальный биоэтос. Глобальный биоэтос есть пространство сотрудничества и солидарности («Великое Согласие»). В этом новом социальном пространстве может возникнуть *Homo misericordis*: человек, главным качеством которого является милосердие. Благодаря милосердию человек преодолевает глобальное отчуждение, вступает в диалог и создает предпосылки для встречи с «Другим» (всей совокупности биоса).

Ключевые слова: зло, редукционизм, надзорный биокапитализм, консервативная биоэтика, глобальный биоэтос, милосердие

Статья поступила 20.12.2022; принята к публикации 20.05.2023; опубликована 20.11.2023.

Review

doi: https://doi.org//10.19163/2070-1586-2023-16-2-8-12

Bioethical deconstruction of the phenomenon of evil

Kirill S. Smirnov ✉, ***Alexander A. Ruchtin***

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Abstract. The phenomenon of evil in modern socialcultural situation from the point of view of bioethics, interpreted as deconstruction is analyzed in the article. Evil as the striving to destruct appears in the form of the dividing of whole and extreme reductionism. In social and anthropological dimensions such reductionism is expressed in the idea of the society as original chaos (war of all against all) which is caused by "evil and vicious human nature". However this chaos is structured by means of social contract (financial order) coming out in the form of the principle of a lesser evil. Now this structuring is the process of substitution at the new type of order: surveillance biocapitalism. This last is the real threat not only to human existence but to the whole bios. From here is the task of the developing of discourse which is able to block given destructive tendency. Such discourse is conservative bioethics as radical ethics of salvation, on the basis of which the global bioethos can be formed. Global bioethos is the topos of cooperation and solidarity (Great Harmony). In this new social topos Homo misericordis can rise: human whose main quality is misericordia. Owing to misericordia human overcomes estrangement, enters into a dialogue, and creates the premises for the meeting with Other (the whole totality of bios).

Keywords: evil, reductionism, surveillance biocapitalism, conservative bioethics, global bioethos, misericordia

Submitted 20.12.2022; accepted 20.05.2023; published 20.11.2023.

Итак, Гёте, создатель немецкого литературного языка вкладывает в уста Мефистофеля представление о зле как «стремлении разрушать». Собственно, разрушение предполагает разделение на части, расчленение целого. Это целое, целостность есть сама жизнь. Можно сказать, что в редукционистском подходе к жизни скрывается этот деструктивный элемент, который и есть зло. Конечно, «торжество»

© Смирнов К.С., Рухтин А.А., 2023
© Smirnov K.S., Ruchtin A.A., 2023
This article can be used under the CC BY-NC-ND 4.0 License

редукционизма присутствует в характеристиках социальной жизни. Данный редукционизм манифестирует себя в специфической трансформации изначального представления об этосе как пространства совместного проживания людей, из которого исключаются индивидуализм и агрессия (хотя и не элиминируются полностью, продолжая проявляться периодически в виде эксцессов). Сущность указанной трансформации заключается в идее, что «общество, состоящее из свободных индивидов, по своей «человеческой природе» являющихся порочными, эгоистическими, стремящимися к грубым чувственным удовольствиям хищниками, недалеко ушедшими от животных, будучи ограничено законом и рядом других репрессивных средств, способно достичь мира и небывалого процветания. При этом взаимодействие индивидов понимается как изначальная существовавшая «война всех против всех», то есть хаос, но постулируется, что при достижении этим усиливающимся хаосом некоторой пороговой величины будут запущены процессы самоорганизации и возникнет некий порядок» [1]. Этот так называемый порядок, разумеется, представляет собой порядок денег или финансовый порядок, структурирующий изначальный хаос «войны всех против всех» и удерживающий изначально безудержные агрессию и индивидуализм в узде некой либерально-демократической политкорректности.

Таким образом, налицо крайний социальный редукционизм, согласно которому общество состоит из атомизированных индивидов, взаимодействующих между собой по аналогии с хаотическими перемещающимися частицами материи. Этот «изначальный хаос» как некое торжество зла, когда мефистофелевское «стремление разрушать» осуществлено полностью, структурируется «общественным договором» в качестве принципа наименьшего зла, чтобы человечество могло не только существовать, но и с определенного момента в некотором смысле и «процветать». Другими словами, в рамках такого социально-антропологического редукционизма зло оказывается «прозрачным» (Бодрийяр) и «банальным» (Арендт) как воздух и свет. Можно сказать, что зло стало атмосферой нашего времени. Эта атмосфера всепроникающей власти денег знаменовала в конце XX столетия так называемый «конец истории», когда был свернут «красный проект» и одновременно запущен проект глобализации.

Однако уже в первое десятилетие XI века стало очевидным, что глобализация практически исчерпала себя, ибо рынок стал размером с всю планету. В этой ситуации было принято решение изменить вектор развития с экспансии на инвазию. Это изменение происходит на наших глазах с подключением всего технологического потенциала и теоретического обоснования так называемых «наук о жизни» (life sciences). Суть указанной инвазии заключается в идее рассмотрения «человека-хищника» как нового уникального ресурса. Весьма показательной метафорой, описывающей эту идею, является известная сентенция: «Люди – новая нефть». Разумеется, чтобы «человек-хищник» стал таким ресурсом, старой самоорганизующейся системы «общественного договора» совершенно недостаточно. Нужно нечто принципиально новое. Этим новым оказывается надзорный биокапитализм, который находится еще в процессе становления. В рамках этой новой модели «человек-хищник» перестает рассматриваться как индивид. Отныне он есть дивид (новый виток редукционизма). Человек-дивид есть всего лишь набор множества различных алгоритмов, лишенный уникального, целостного Я. Далее, «науки о жизни» утверждают, что алгоритмы, составляющие человека, не являются свободными. Они детерминируются генами и давлением внешней среды. Отсюда следует предположение, что внешний алгоритм (некий суперкомпьютер, похожий на систему в известном фильме «Матрица») мог бы теоретически знать человека лучше, чем он сам себя знает.

Таким образом, «злобный» человек-хищник окажется прирученным и станет рассматривать себя в качестве собрания биохимических механизмов, которое в режиме non-stop подвергается мониторингу и направляется сетью электронных, кибернетических алгоритмов. В пределе может быть достигнуто такое состояние, когда человек не сможет отключиться от всезнающей сети ни на мгновение. Отключение будет означать смерть. Так человек-хищник постепенно переформатируется в покорного биоробота. В этом смысле, последний гораздо лучше соответствует системе тотального капитализма с его глобальной конкуренцией, хаотичными процессами на рынках, слиянием корпораций и поглощением с резкими изменениями структуры, увеличением рабочей нагрузки с негласным требованием обеспечения рабочего процесса в режиме «24/7». Такая система порождает бесконечный стресс и в высшей степени нездоровую ситуацию в обществе (любопытно отметить, что в ряде языков «зло» (Mal) еще переводится как «болезнь»). Неудивительно, что человек-хищник, который не прошел мощное переформатирование, пытается взбунтоваться и делает это все чаще в последнее время. Очевидно, что в человеке-хищнике оказывается еще много «человеческого, слишком человеческого». Получается все-таки, что «широк человек» (Достоевский) и выходит за рамки убогого представления о злобном «политическом животном». Очень

ярко этот экзистенциальный бунт проявился, например, в период активной фазы пандемии ковида. Этот бунт имел место не только против ограничений в передвижении, но и в отношении вакцинации. Впрочем, экзистенциальный протест в данной ситуации имеет вполне рациональные основания. До сих пор официальная наука так и не предъявила убедительных доказательств естественного происхождения COVID-19. Более того, она практически перестала аргументированно оппонировать точке зрения о лабораторном, искусственном происхождении смертоносного вируса. Нечего сказать официальной науке и на недавнее сообщение о получении нового штамма ковида с 80%-й летальностью в лаборатории в Бостоне. Создается впечатление, что молчание официальной науки есть результат того, что она давно инкорпорирована в систему тотального капитализма. И в этом отношении, поистине, молчание – золото.

Человек же в этих условиях демонстрирует тенденцию к «Великому отказу» от той идеологической детерминанты, которая навязывается надзорным биокапитализмом. «Великий отказ» проявляется в стремлении к максимально простому образу жизни, в интересе к восточному эзотеризму, в побеге (дауншифтинг) от цивилизации в страны третьего мира, в постоянном движении по планете, во внутренней эмиграции и депрессии, порой доводящей до самоубийства. Здесь уместно привести яркую цитату из романа Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи», где главная героиня заявляет о своем «Великом отказе»: – Бенефициары пусть рожают. – Какие бенефициары?... – Этого мира, – ответила Таня… – Что, я нанялась им за свой счет рабочих муравьев плодить? Или ты мне про слово «надо» расскажешь? Про социальные лифты? Или про солнечный шанс?.. [2].

«Великий отказ» есть нормальная, человеческая, вполне человеческая реакция, во-первых, на разрушение этоса, а во-вторых, на надзорный биокапитализм, который порождает позитивное, «возвеличенное до уровня гиперболы» [3] мышление и, следовательно, создает предпосылки для катастрофы «в силу невозможности выделить кризис и критику даже в гомеопатических дозах» [3]. Другими словами, надзорный капитализм манифестирует себя как необходимость, претендующую на то, чтобы стать добродетелью, бесспорным благом. Но в реальности (как нами было показано выше), он есть благое намерение, ведущее в известное место, где торжествует зло, где сама жизнь как биос может исчезнуть. При этом любопытно отметить, что в свое время великий писатель Л. Кэрролл, крайне важная, даже культовая фигура для современного философского (особенно) постмодернистского дискурса, предложил инверсию, из которой мы узнаем, что «E-V-I-L (зло) есть не что иное, как L-I-V-E («жить» наоборот)» [4].

Один из ведущих экономистов мира, профессор Одед Галор отмечает: «Сразу после перехода к сельскому хозяйству большинство человеческих обществ поддерживало функционирование базовых племенных структур, которые господствовали до неолитической революции… Малый масштаб и сплоченность этих обществ стимулировали кооперацию и сглаживали разногласия… власть в племенах обычно не передавалась по наследству, а была основана на заслугах племенной аристократии...» [5]. Мы имеем в данном случае верное, хотя и специфическое описание этоса. Не следует ли отсюда, что представление о человеческом сообществе как изначальной «войне всех против всех» является искусственным, навязанным интеллектуальным конструктом? Вначале были кооперация и сглаживание разногласий, а не индивидуализм и агрессия. Изначально власть основывалась на истинном авторитете, а не на принципе наследования, страхе или богатстве. Да, впоследствии многое поменялось – появились эти незабвенные бенефициары (рабовладельцы, феодалы, крупная буржуазия и, наконец, современные «успешные и эффективные» инвесторы). Однако на протяжении всей человеческой истории этос продолжал существовать в той или иной форме (семья, род, клан, религиозные коммуны, профессиональные гильдии, масштабная попытка «красного проекта» и даже система пожизненного найма в японских корпорациях, которая недавно была ликвидирована, уступив место краткосрочным «эффективным» контрактам). Эти горизонтальные, ризомические структуры этоса всегда вставали на пути рынка и его бенефициаров. И время от времени существам, которые избавились от «человеческого, слишком человеческого» в себе и возомнили себя хозяевами жизни, приходилось идти на компромиссы и уступки. Сейчас мы являемся свидетелями небывалой по мощи атаки на этос и, следовательно, человека, цель которой – полностью элиминировать первый и провести такой апгрейд второго, чтобы не возникло никаких сомнений в абсолютной правильности статус-кво. Но, как известно, дьявол в деталях, которые мы попытались деконструировать выше.

Мы постарались раскрыть сущность феномена зла в современном мире и подвергли его именно биоэтической деконструкции. Ибо зло как намеренная практика разрушения угрожает не только этосу, но и биосу. Вместе с тем биоэтический дискурс позволяет не только деконструировать, но и конструировать определенную модель для преодоления нынешней

предельно кризисной ситуации. Более чем полувековое развитие биоэтики позволяет интерпретировать ее в качестве не просто новой, модернизированной версии этики, а новой философии и даже философской антропологии. Причем основой этих новых аспектов биоэтики мы считаем консервативную биоэтику, которая парадоксальным образом есть «радикальная этика спасения» [6]. Радикализм в данном случае заключается в отстаивании идеи сохранения человека и биоса в целом. Кроме того, мы исходим из того, что сущность человека заключается в удивительной «продуктивной, произвольной способности воображения» (Кант). Именно благодаря этой способности, человек может создавать идеальную конструкцию мира должного (этос), а также воплощать этот идеал в жизненную практику и поддерживать, сохранять эту реальность. В рамках этоса до известной степени удавалось блокировать присущее человеку стремление разрушать, формируя систему нравственных ограничений для всех (именно всех без исключения) обитателей этоса. В настоящее время следует поставить задачу теоретического обоснования не просто сохранения или восстановления этоса в той или иной известной форме, но создания системы глобального биоэтоса, на основе хорошо известных, задекларированных принципах биоэтики. Система глобального биоэтоса призвана создать предпосылки для того, что можно назвать «Великим согласием» в противоположность «Великому отказу», так ярко описанному Маркузе. В рамках такого проекта «Великого согласия» должны быть обозначены задачи преодоления того глобального отчуждения человека от самого себя, других и природы. Первая задача состоит в том, чтобы заблокировать и ликвидировать все возможные предпосылки для развития системы надзорного биокапитализма. Вплоть до табуирования использования в дискурсе таких характеристик человека, как «человеческий капитал» или «бесполезный класс». Важнейшей практической задачей должна стать разработка механизма децентрации капитала, чтобы минимизировать существующую почти неограниченную власть бенефициаров. Причем здесь совершенно излишними становятся меры неограниченной экспроприации, которые применялись в период существования «красного проекта». Так, по расчетам Т. Пикетти, налог всего в 1 % для миллионеров, владеющих от 1 до 5 млн долларов, в 2 % для миллионеров, чей капитал превышает 5 млн долларов, в 5–10 % для миллиардеров мог бы решить проблему. «Идеальным инструментом был бы мировой прогрессивный налог на капитал в сочетании с очень высокой степенью прозрачности международной финансовой системы. Такой институт позволил бы избежать бесконечной спирали неравенства, эффективно регулируя тревожную динамику концентрации имущества в мировом масштабе» [7]. Хотелось бы думать, что в среде бенефициаров есть понимание того, что такой огромный разрыв между ними и всем населением мира чреват массой проблем и бед для них самих. Отсюда и инициатива ряда миллиардеров (Гейтс, Баффит и др.) по созданию так называемой «Клятвы дарения» (Giving pledge), филантропической кампании по передачи части капиталов на благотворительные цели. И хотя на 2022 г. только около 10 % владельцев крупнейших состояний подписали данную клятву, все-таки определенное движение в направлении «Великого согласия» можно констатировать. Клятва дарения есть осознание того, что «современная эпоха постоянного повышения стандартов уровня жизни едва ли похожа на пребывание в райском саду, где нет ни социальных, ни политических противоречий. Массовое неравенство и несправедливость сохраняются» [5]. Примечательно, что последняя цитата принадлежит все тому же израильскому профессору Галору, которого трудно заподозрить в большой симпатии к идее деконструкции как «радикализации марксизма» (Деррида).

Глобальная филантропическая кампания в совокупности с выверенной системой прогрессивного налогообложения и даже введения такой радикальной меры поддержки, как безусловный основной доход (БОД) могут создать основу для сохранения людей, которым иначе не выжить. Вместе с тем, эти важнейшие меры по децентрации капитала могут создать условия для возникновения «эры милосердия». Как отмечает один из основателей отечественной биоэтики П.Д. Тищенко: «…в центре должно стоять милосердие» [8]. Именно милосердие, а не бесчеловечный дискурс надзорного биокапитализма. Латинским вариантом понятия «милосердия» является понятие *misericordia*, состоящее из двух слов: *misère* (нужда) и *cordis* (сердце). Таким образом, милосердие означает обладание сердцем, солидарным с теми, кто пребывает в нужде. В данном случае, важнейшей задачей, которая должна быть поставлена в рамках биоэтоса и проекта Великого Согласия, является формирование человека милосердного, *Homo misericordis*. Эта задача может быть решена исключительно в системе горизонтальных диалогических отношений. Только в диалоге происходит выход человека из положения отчуждения, выход за собственные пределы, где происходит встреча с «Другим». Здесь «Другой» – это весь биос как глобальная ризома жизни, которая должна быть спасена.

Идея и практика милосердия особенно актуальна сейчас, когда набирает силу глобальный милитаристский дискурс, превращающий убийство в закон и смакующий ряды убитых в массмедийном пространстве.

Дополнительная информация

Вклад авторов. Все авторы подтверждают соответствие своего авторства международным критериям ICMJE (все авторы внесли существенный вклад в разработку концепции, проведение исследования и подготовку статьи, прочли и одобрили финальную версию перед публикацией).

Источник финансирования. Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Additional information

Author contribution. All authors made a substantial contribution to the conception of the work, acquisition, analysis, interpretation of data for the work, drafting and revising the work, final approval of the version to be published and agree to be accountable for all aspects of the work.

Funding source. This study was not supported by any external sources of funding.

Competing interests. The authors declare that they have no competing interests.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пигалев А.И. Деконструкция денег и постмодернистская концепция человека // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 50–60.

2. Пелевин В.О. Тайные виды на гору Фудзи. М., Эксмо, 2021.

3. Жан Бодрийяр. Прозрачность зла. 3-е изд. М., 2009.

4. Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье. Москва: ООО «Подарки и художники», 2020.

5. Галор О. Путь человечества. Истоки богатства и неравенства. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022.

6. Смирнов К.С. Биоэтика в нарративном ракурсе: от «науки выживания» до радикальной этики спасения (на материале рассказа Р. Киплинга «Чудо Пуран Бхагата») // Биоэтика. 2020. Т. 14. № 1. С. 5–9. doi: https://doi.org/10.19163/2070-1586-2020-1(25)-5-9.

7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

8. Тищенко П.Д., Седова Н.Н., Петров К.А. Врачевание – это деятельное милосердие и основание солидарности. Дискуссия о прошлом и будущем, приуроченная к 75-летию Павла Дмитриевича Тищенко // Биоэтика. 2022. Т. 15. № 1. С. 6–18. doi: https://doi.org/10.19163/2070-1586-2022-15-1-6-18.

REFRRENCES

1. Pigalev A. I. Deconstruction of money and postmodernist conception of human. Voprosy Filosofii. 2012;8:50–60. (in Rus).

2. Pelevin V.O. Secret Views of Mount Fuji. Moscow, Ecsmo Publ., 2021. (in Rus).

3 Baudrillard J. The Transparency of Evil. 3d ed, Moscow, 2009. (in Rus).

4. Lewis Carroll. Alice’s Adventures in Wonderland. Through the Looking-Glass, and What Alice found There. Moscow, OOO "Podarki i khudozhniki", 2020. (in Rus).

5. Galor Oded. The journey of humanity. The origins of wealth and inequality. Moscow, Publishing house AST:CORPUS, 2022. (in Rus).

6. Smirnov K.S. Bioethics in narrative foreshortening: from "science of survival" to the radical ethics of salvation (on the material of R. Kipling’s story "The miracle of Purun Bhagat"). *Bioetika = Bioethics*. 2020;T(1):5–9. (in Rus) doi: https://doi.org/10.19163/2070-1586-2020-1(25)-5-9.

7. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. (in Rus).

8. Tihchenko P.D., Sedova N.N., Petrov K.A. Healing is an active merci and the foundation of solidarity. Discussion about the past and future of bioethics dedicated to the 75th anniversary of Pavel Dmitrievich Tihchenko. *Bioetika = Bioethics*. 2022;15(1):6–18. (in Rus) doi: https://doi.org/10.19163/2070-1586-2022-15-1-6-18.

Информация об авторах

К.С. Смирнов – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7233-9052, E-mail: zzzzzz111@mail.ru ✉

А.А. Рухтин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет; старший научный сотрудник лаборатории этической, правовой и социологической экспертизы в медицине, ГБУ ВМНЦ, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-7803-8600, E-mail: ruhtin@list.ru

Information about the authors

K.S. Smirnov – PhD, Associate Professor of Department for Philosophy, Bioethics and Law with the course of sociology of medicine of the Volgograd State Medical University, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7233-9052, E-mail: zzzzzz111@mail.ru ✉

A.A. Ruhtin – PhD, Associate Professor of Department for Philosophy, Bioethics and Law with the course of sociology of medicine of the Volgograd State Medical University; Senior Researcher, Laboratory for Ethical, Legal and Sociological Expertise in Medicine, Volgograd Medical Research Center, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-7803-8600, E-mail: ruhtin@list.ru